

На правах рукописи

Колосовская Татьяна Александровна

**РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ОСВОЕНИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
XVIII – НАЧАЛА XX В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ставрополь – 2018

Работа выполнена в ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»

- Научный консультант:** доктор исторических наук, профессор
Кудрявцев Александр Абакарович
- Официальные оппоненты:** *Лапин Владимир Викентьевич*
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФГБУН
«Санкт-Петербургский институт истории
Российской Академии наук»
- Матвеев Олег Владимирович*
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет», кафедра истории России,
профессор
- Матвеев Владимир Александрович*
доктор исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет», кафедра отечественной
истории XX – XXI вв., профессор
- Ведущая организация:** ФГАОУ ВО «Московский государственный
институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных
дел Российской Федерации»

Защита состоится 25 мая 2018 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.245.12 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корпус 20, аудитория 312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1,
http://www.ncfu.ru/uploads/doc/disser_kolosovskaya.pdf

С авторефератом можно ознакомиться на сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»: <http://www.ncfu.ru/dissertaciya-kolosovskoy-tatyany-aleksandrovny.html>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

И.А. Краснова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Вооруженные силы всегда играли особую роль в истории российской государственности. На протяжении веков армия не только служила гарантом защиты страны от внешней агрессии, но и как один из важнейших государственных институтов, выполняла функции, далеко выходящие за рамки чисто военных. В имперский период российской истории, по мере расширения государственных границ, военное ведомство активно включилось в освоение вновь присоединяемых территорий. Значительный интерес в этом отношении представляет деятельность российских военных на Северном Кавказе в XVIII – начале XX в.

Движение России на Кавказ, его причины, ход и последствия является неотъемлемой частью истории создания многонационального государства Российского. Несмотря на накопленный объем знаний по данному вопросу, присоединение северокавказских территорий остается одной из дискуссионных тем исторической науки. Повышенный интерес к теме Кавказской войны привел к тому, что сложные и многогранные российско-кавказские отношения XVIII – XIX вв. стали сводиться к бесконечной череде конфликтов и столкновений, а деятельность российской армии в регионе порой рассматриваться исключительно как инструмента устрашения и разрушения.

В этой связи особое значение приобретает объективное и всестороннее исследование роли военных в присоединении Северного Кавказа к Российской империи. Их деятельность в регионе не сводилась только к силовым операциям, а включала обширный комплекс мероприятий созидательного характера. Трудами солдат строились мосты и дороги, закладывались крепости, давшие начало городам. Многим офицерам пришлось выступить в качестве пионеров-исследователей новой окраины страны. По собственной инициативе или в силу выполнения служебного долга, они стали действующими лицами сложного процесса познания социокультурного многообразия Северного Кавказа и влияли на выработку взаимоприемлемых интеграционных концепций.

Теоретическое осмысление мотивов познавательной деятельности военных, специфики ее организации и результатов, особенно востребовано сегодня. Обращение к этому историческому сюжету показывает, что тема «русская императорская армия на Северном Кавказе» не сводится только к военно-конфронтационной составляющей, а включает вопросы взаимодействия и взаимопознания людей разных культур. Развитие этого направления в современном кавказоведении уменьшит ксенофобские тенденции и будет способствовать укреплению мира и согласия на Северном Кавказе в настоящее время.

Объектом исследования выступает процесс присоединения и освоения Северного Кавказа Российской империей.

Предметом исследования является интеллектуальная деятельность офицеров и генералов российской армии, направленная на создание комплекса знаний и представлений о Северном Кавказе в контексте решения ими своих военно-политических задач в регионе.

В фокусе рассмотрения оказалось научное и творческое наследие представителей российского офицерского корпуса, которые в ходе выполнения служебных заданий или по личной инициативе целенаправленно занимались изучением Северного Кавказа и народов его населяющих. Развитие этого направления интеллектуальной деятельности военных было неразрывно связано с российской политикой в регионе, а лидирующую роль в нем занимали офицеры Генерального штаба, в чьи профессиональные обязанности входило изучение противника и театров военных действий.

Вне поля исследования были оставлены офицеры-горцы, интеллектуальная деятельность которых, являясь составной частью феномена северокавказского просветительства, всесторонне изучена и имеет обширную историографическую базу¹.

¹ См. об этом: Клычников Ю.Ю. Адыгские просветители – носители идей российскости // Вопросы северокавказской истории (научный сборник). Армавир, 2005. Вып. 10. С. 39–43; Ктиторова О.В. Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева. Армавир; Ставрополь, 2015. 232 с.; Блейх Н.О. Социокультурные аспекты развития

Степень научной разработанности темы подробно охарактеризована в первой главе диссертации. Критический анализ системы научного знания о предмете исследования осуществляется с выделением ключевых тенденций, характерных для дореволюционной, советской и современной историографий.

Первые попытки осмыслить участие российских военных в познании Северного Кавказа и его народов были предприняты авторами второй половины XIX – начала XX в. В работах, посвященных истории русского Генерального штаба² и Корпуса военных топографов³, а также проблематике Кавказской войны⁴ приводился разнообразный фактический материал, подтверждающий включение военных в процесс географического, этнографического и исторического изучения региона. Некоторые эпизоды организации исследовательских практик российских офицеров на Северном Кавказе нашли свое отражение в разноплановых по своей тематике кавказоведческих работах⁵ и трудах биографического характера⁶. Именно дореволюционными авторами впервые была затронута тема участия военных в сохранении памяти исторического прошлого Кавказа⁷.

просветительства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – начало XX вв.). Автореф. дис. д-ра ист. наук. Владикавказ, 2008. 38 с. и др.

² Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. СПб., 1883. Т. I. 428 с.; 1894. Т. II. 284 с.; Гейсман П.А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. СПб., 1902. Вып. I. 414 с.; 1910. Вып. II. 416 с.

³ Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872 гг. СПб., 1872. 787 с.

⁴ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассаж в 1860 году Генерального штаба полковником Д.И. Романовским. СПб., 1860. 320 с.; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 159 с.; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. СПб., 1871–1888; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях В 5 т. СПб.; Тифлис, 1887–1889; Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914. 182 с.

⁵ Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис, 1901. С. 281–297; Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. I. С. 52–65.

⁶ Сакович П.М. Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк // Военный сборник. 1878. № 6. С. 276–300; Загурский Л.П. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1881. Кн. XII. С. I–LXXXIII; Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: Биобиблиограф. очерки // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 333–396; Фарфаровский С.В. Литературная деятельность И.Д. Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1910. Вып. 2. С. 1–14. и др.

⁷ Потто В.А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1906. Вып. I. 160 с.; 1909. Вып. II. 248 с.

Историография досоветского периода внесла значительный научный вклад в разработку отдельных аспектов предмета настоящего исследования. При этом объективную и обобщающую концепцию феномена военного кавказоведения авторы второй половины XIX – начала XX в., некоторые из которых сами являлись яркими его представителями, создать не успели.

В изменившихся политических реалиях, советские историки рассматривали генералов и офицеров императорской армии на Северном Кавказе с точки зрения вольных или невольных проводников «царской колонизаторской политики»⁸. И хотя оценки этой политики на протяжении советского периода изменялись, от определения Российской империи как «тюрьмы народов» до концепции «наименьшего зла», негатив в характеристиках деятельности командного состава армии на Северном Кавказе превалировал. Исследования отдельных историков, указывавших на позитивный потенциал познавательной деятельности ряда представителей российского офицерского корпуса, общего положения дел не меняли⁹.

В целом, советский историографический этап в изучении обозначенной темы ограничился обращением к вопросу северокавказского просветительства, а также рассмотрением роли декабристов и русских писателей в знакомстве с Кавказом российской общественности¹⁰. При этом акцент делался на их подвижнической деятельности, как поборников прогресса, не обращая внимание на то, что многие из них были офицерами русской армии, а их

⁸ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. М., 1923. 392 с.; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. М., 1958. 244 с.; Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. 398 с.

⁹ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. 319 с.; Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976. 130 с.; Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1955. Вып. 1. С. 265–374; 1958. Вып. 2. С. 139–274; 1962. Вып. 3. С. 158–288; Парова Л.М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 87–91; Халфин Н.А. Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга // Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 5–27.

¹⁰ Кумыков Т.Х. Хан-Гирей. Жизнь и деятельность. Нальчик, 1968. 132 с.; Он же. Казы-Гирей. Жизнь и деятельность. Нальчик, 1978. 134 с.; Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX века. Нальчик, 1983. 244 с.; Гаджиев В.Г. Декабристы на Кавказе // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 143–158. и др.

научно-практическая деятельность напрямую была связана с выполнением служебных заданий.

Современная историографическая ситуация наглядно свидетельствует о наметившемся направлении всестороннего изучения участия российской армии в интеграционных процессах на Северном Кавказе. Историки исследуют внутреннюю трансформацию императорской армии в условиях Кавказской войны¹¹, обращают внимание на ее участие в хозяйственном освоении и развитии инфраструктуры региона¹², затрагивают проблему участия военных специалистов в сборе сведений и изучении Северного Кавказа в XVIII – XIX вв.¹³

Заметным историографическим явлением последнего десятилетия стало появление работ, посвященных проблемам формирования образа Кавказа и его жителей в глазах российской общественности¹⁴. Ряд интересных наблюдений и положений содержат труды историков, в которых затрагиваются вопросы участия кадровых военных в этом процессе¹⁵. Качественно новое развитие получила тема сохранения исторической памяти военного прошлого Северного

¹¹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб., 2008; Он же. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 5–16; Он же. Кавказская война // Россия и Кавказ – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. Сборник. СПб., 2006. С. 3–51.

¹² Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722 – 1735). М., 2010. 381 с.; Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011; Чекулаев-Братчиков Н.Д. Низовой корпус на Кавказе: История гарнизона крепости Святого Креста (1722 – 1735 гг.). Махачкала, 2011. 206 с.

¹³ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. 494 с.; Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь, 2011. 496 с.; Савельев А.Е. Роль российских офицеров в исследовании Кавказа // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 2. С. 9–13; Литвин А.А. Картографирование и географическое изучение Кавказа военным ведомством (по фондам Российского государственного военно-исторического архива) // Северный Кавказ в истории России. XIX век. Сб. статей. М., 2004. С. 79–91.

¹⁴ Захаров В.А. Образы Кавказа в русском общественно-политическом сознании XIX – начала XX вв. // Кавказский сборник. М., 2006. Т. 3 (35) С. 218–228; Саблин Д.В. В плену иллюзий: образы Кавказа и горцев в русском общественном сознании XIX в. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 53–72; Ткаченко Д.С. Эволюция образа горских народов в России в период Кавказской войны XIX века // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2010. № 6. С. 59–63. и др.

¹⁵ Булыгина Т.А. Образ «другого» в текстах «кавказцев» XIX века. Опыт сравнения // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Ставрополь, 2010. Т. 1. С. 381–384; Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь, 2017. 402 с.

Кавказа, в том числе исследование монументальных и музейных практик коммеморации¹⁶, художественного наследия офицеров Кавказской армии¹⁷, творческого пути военных исследователей – бытописателей Кавказа¹⁸. Большой интерес в рамках заявленной темы представляют исследования, посвященные вопросам имперской политики на северокавказской окраине страны во второй половине XIX – начале XX в. и ее влиянию на завершение процесса государственной интеграции¹⁹.

Что касается зарубежной историографии, то в интерпретации западноевропейских и американских авторов, как прошлых эпох, так и в настоящее время, акцентируется внимание преимущественно на силовой политике превращения Северного Кавказа в составную часть Российской империи, ключевым понятием в оценке происходивших событий является термин «завоевание», а военным отводится роль пассивного орудия в руках верховной власти²⁰.

Таким образом, несмотря на обращение к отдельным аспектам рассматриваемой проблематики историками различных периодов, вопросы о том, каким образом военное ведомство России организовывало изучение Северного Кавказа, кем и какими способами реализовывалось это изучение,

¹⁶ Кринко Е.Ф. Отражение Кавказской войны в мемориальной культуре юга России // Антропология конфликта и мира в культуре народов юга России, Кавказа: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2014. С. 92–103; Лапин В.В. Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. 2007. № 6. С. 82–101; Максимчик А.Н. Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уникального музейного собрания // Кавказский сборник. М., 2015. Т.9 (41) С. 262–292.

¹⁷ Абдулаева З.А. Отображение социокультурной реальности Кавказа в творчестве русских и западных художников XIX в. // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3. С. 121–126; Доного Х.М. «Победит тот, кто владеет Кавказом». Миниатюры Кавказской войны 1817-1864. М., 2005. 379 с.; Хлудова Л.Н. История Кубани в произведениях живописи и графики (XV – 60-е гг. XIX вв.). Армавир, 2014. 208 с.

¹⁸ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. 272 с.; Трехбратов Б.А. Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Трехбратов Б.А. Кубанские краеведы. Краснодар, 2005. С. 95–135; Колесников В.А. Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Л. Юдина // Кубанский сборник. Т. 1 (22). Краснодар, 2006. С. 32–57. и др.

¹⁹ Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д, 2012. 560 с. и др.

²⁰ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720 – 1860. М., 2007. 351 с.; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. 512 с.; Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. 232 с. и др.

какое влияние полученные знания оказывали на решение военными их практических задач и корректировку российской политики в регионе, наконец, какую роль научно-практическая деятельность военных сыграла в укреплении российской государственности на Северном Кавказе после Кавказской войны, в мирный период развития региона – остались открытыми. Это позволяет прийти к заключению о существовании научной проблемы, связанной с недостаточной изученностью фактической стороны вопроса участия российских военных в познании Северного Кавказа и необходимостью теоретического осмысления этого исторического явления.

Рабочая гипотеза настоящего исследования заключается в том, что российские военные стали активными действующими лицами *«интеллектуального освоения»* Северного Кавказа, под которым мы понимаем процесс изучения и формирования представлений о регионе в ходе его включения в государственное пространство Российской империи. Данный процесс развивался в контексте российской политики на присоединяемых территориях и наряду с хозяйственным освоением был направлен на интеграцию Северного Кавказа в состав страны. При этом участие офицеров и генералов российской армии в интеллектуальном освоении новой окраины империи определялось необходимостью решения текущих практических задач по «умиротворению» местного населения, имело свои формы и результаты.

Целью настоящего исследования является комплексное представление и теоретическое осмысление вклада российских военных в изучение Северного Кавказа и формирование представлений о нем в общественном сознании в ходе присоединения и освоения региона Российской империей в XVIII – начале XX в.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие исследовательские задачи:

1) показать специфику организации и проведения разведывательных экспедиций с участием российских военных на Северном Кавказе,

инициированных Петром I накануне и по окончании Персидского похода (1722 – 1723 гг.);

2) выявить особенности изучения военными Северного Кавказа во второй половине XVIII – начале XIX в., а также проследить влияние их интеллектуальной деятельности на складывание ориенталистского дискурса;

3) охарактеризовать формы военно-разведывательного изучения Северного Кавказа периода Кавказской войны на примере организации военно-научной экспедиции Г.А. Емануеля, «скрытных обзрений» неподконтрольных российской администрации территорий Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа, а также сбора военно-топографического материала;

4) проанализировать вклад офицеров Генерального штаба в подготовку военно-статистических описаний различных районов Северного Кавказа, выявить особенности отражения в них реалий российско-кавказского пограничья, а также установить влияние практик военной статистики на имперскую политику в регионе;

5) определить роль творческого наследия военных художников в формировании представлений о Северном Кавказе как новой окраине империи среди широких кругов общественности;

6) используя материалы научно-исследовательской деятельности Д.А. Милютин, проанализировать ход работ по подготовке обобщающего труда по военной истории Кавказа, показав роль военных историков в обосновании правомерности российской политики на Северном Кавказе и складывании традиций исторического направления отечественного кавказоведения;

7) опираясь на подходы интеллектуальной истории, исследовать способы повествования о событиях прошлого и стратегии организации такого рассказа в полковых историях кавказских частей, а также показать роль в развитии полковой историографии Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа;

8) проанализировать участие российских военных в решении вопросов сохранения и использования документального наследия военных архивов

Северного Кавказа, как части политики памяти, осуществляемой военным ведомством в регионе;

9) рассмотреть роль российских военных в процессе формирования монументального пространства Северного Кавказа, ставшего одним из механизмов воздействия на массовое историческое сознание;

10) на материалах Кавказского военно-исторического музея (главного музея Кавказского военного округа) раскрыть значение военных музеев как одного из инструментов политики памяти, выявить его потенциал в деле формирования императивов имперской идентичности в регионе.

Хронологические рамки диссертации определяются задачами исследования и охватывают XVIII – начало XX в. Это было время постепенного включения Северного Кавказа в государственное пространство Российской империи, его интеграции и модернизации.

Начальной точкой исследования служит Персидский поход Петра I (1722 – 1723 гг.). Осуществляемые накануне похода разведывательные экспедиции на Восточном Кавказе положили начало целенаправленного исследования Россией географического и социокультурного многообразия региона с участием российских военных.

Конечной точкой работы стали революционные события 1917 г., завершившиеся сменой политического строя, ликвидацией всех частей и подразделений императорской армии и кардинальным изменением вектора российской политики в регионе.

Географические границы исследования определяются обширной территорией, расположенной между Черным и Каспийским морями к северу от Большого Кавказского хребта до Кумо-Манычской впадины. В рассматриваемое время при описании событий, там происходивших, использовали термин «на Кавказе», в противоположность «за Кавказом», что принимается во внимание в ходе анализа исторических источников по исследуемой проблематике.

Северный Кавказ являлся частью макрорегиона – Кавказ, поэтому в ходе рассмотрения отдельных вопросов темы, в первую очередь таких как организация военно-статистического изучения региона и участие российских военных в политике памяти, для более полного их анализа, мы выходили за заявленные географические рамки и обращались к фактам и событиям, происходившим на территории Закавказья.

Методологическая и теоретическая основы исследования.

Диссертация основывается на таких общезначимых для исторической науки принципах как *объективность* и *историзм*. Интеллектуальная деятельность российских военных рассматривается как уникальное проявление определенной эпохи, с присущими ей культурой и ценностями. Факты и события участия российских военных в познании и формировании представлений о Северном Кавказе показаны в исследовании как проявление единого процесса, обусловленного причинно-следственными связями в конкретный исторический период.

Когнитивную стратегию настоящего исторического исследования, его научный тезаурус и познавательные средства определили подходы *интеллектуальной истории*. Одной из исходных предпосылок этого активно развивающегося в современной историографии направления, является «осознание неразрывной связи между историей идей и идейных комплексов, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности, с другой»²¹. В этом ракурсе рассматриваются процессы накопления знаний о Северном Кавказе, объясняются причины активного участия в них российских военных. Анализ творческого наследия последних с позиций интеллектуальной истории позволяет показать особенности интеллектуального климата изучаемой эпохи в целом, проследить складывание ментальных стереотипов о Северном Кавказе, а также реконструировать общее представление о той миссии, которую предстояло выполнить России в регионе.

²¹ Репина Л.П. История исторического знания. М., 2006. С. 271.

Одно из центральных мест в интеллектуальной истории занимает проблема конструирования образа «Другого» и его трансформации в общественном создании. В настоящее время исследование этого вопроса лежит в области *имагологии*, положения которой применимы к такому рассматриваемому нами явлению как участие военных в формировании массовых представлений российской общественности о Северном Кавказе, его населении и событиях, там происходящих.

Для понимания и объяснения предмета диссертации на этапе военного противостояния используются теоретические положения *концепции ориентализма*, в основе которой лежит проблема культурно-исторического взаимодействия, взаимовосприятия и взаимоиндефикации Востока и Запада. Концепция ориентализма была предложена исследователем Э. Саидом и опирается на тезис о зависимости между знанием о «Востоке» и политикой подчинения «Востока»²². В диссертационном исследовании предложенный Э. Саидом теоретический постулат о связи научного знания с политикой используется для объяснения такого феномена как российское военное кавказоведение, истоков его формирования и роли в установлении российского доминирования на Северном Кавказе.

Одним из проявлений интеллектуальной деятельности российских военных на Северном Кавказе в период мирного развития региона стало оказание воздействия на массовое историческое сознание, что предопределило наше обращение к *концепции исторической памяти*. Мы разделяем точку зрения Л.П. Репиной, которая рассматривает историческую память как «сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта... и одновременно – как продукт манипуляции массовым сознанием в политических целях»²³. Теоретические положения концепции исторической памяти помогли нам осмыслить и объяснить те инструменты политики памяти, которые использовались российскими

²² Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006. 640 с.

²³ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 10.

военными для конструирования исторического прошлого Северного Кавказа, а саму историческую память рассмотреть как объект активного формирования и манипуляций. Анализ *практик коммемораций* (намеренное увековечивание памяти о знаковых исторических личностях и событиях), используемых российскими военными в регионе, позволил выйти на осмысление проблемы формирования имперской идентичности на Северном Кавказе, ставшем одной из национальных окраин Российской империи.

Источниковая база исследования. Диссертационное исследование основывается на принципе критического изучения разнообразного комплекса первоисточников, большая часть которых была выявлена в различных федеральных и региональных архивах, а также специализированных отделах музеев и библиотек страны.

Многообразие источников в работе условно разделено на 8 групп: 1) *делопроизводственная документация*, 2) *военный нарратив о Северном Кавказе* (работы офицеров Генерального штаба, подготовленные ими в ходе выполнения служебных заданий и представленные в виде военно-топографических и военно-статистических описаний), 3) *историографические источники*, 4) *источники личного происхождения*, 5) *художественная литература*, 6) *газетная печать*, 7) *картографические источники*, 8) *изобразительные источники*. Их подробный анализ представлен в главе первой настоящего исследования, в отдельном параграфе.

Большая часть документов по исследуемой теме была выявлена в *Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА)*. В нем были обследованы фонды учреждений Военного министерства (Ф. 38, Ф. 40, Ф. 400, Ф. 401), органов местного военного управления на Кавказе (Ф. 13454, Ф. 1058, Ф. 14719, Ф. 1300), коллекции документов (Ф. 846, Ф. 482, Ф. 414), а также фонды личного происхождения (Ф. 52 - Г.А. Потемкина-Таврического, Ф. 205 - Ф.К. Клюки фон Клюгенау, Ф. 217 - А.П. Ермолова, Ф. 232 - В.И. Гурко и др.). Документы из этих фондов позволили показать формы военно-разведывательного изучения Северного Кавказа и их непосредственных

исполнителей, проанализировать эволюцию практик военной статистики и ее влияние на российскую политику в регионе периода Кавказской войны, охарактеризовать организационные вопросы подготовки и издания полковых историй, обобщающих трудов по истории присоединения Кавказа к Российской империи и создания Кавказского военно-исторического музея.

В *Российском государственном историческом архиве (РГИА)* были выявлены и введены в научный оборот источники из фондов Кавказского комитета (Ф. 1268), Академии художеств Министерства императорского двора (Ф. 789), Департамента общих дел МВД (Ф. 1284) и Техничко-строительного комитета МВД (Ф. 1293), отражающие участие российских военных в формировании монументального пространства Северного Кавказа. В фондах личного происхождения (Ф. 1018 - И.Ф. Паскевича-Эриванского, Ф. 866 - М.Т. Лорис-Меликова) были обнаружены проекты военно-статистических и исторических сочинений по кавказской тематике, подготовленные офицерами (В.Е. Галяминым, И.Д. Попко) в рамках выполнения ими служебных заданий, ранее исследователям не известные.

Документы из фондов «Кавказские дела» (Ф. 23) и «Кабардинские, черкесские и другие дела» (Ф. 115), хранящиеся в *Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)*, позволили показать специфику организации и проведения разведывательных экспедиций с участием российских военных на Северном Кавказе накануне и по окончании Персидского похода 1722 – 1723 гг. В фонде А.П. Ермолова (Ф. 1406) была обнаружена рукопись А.И. Менда, включающая первую программу обобщающего сочинения по истории присоединения Кавказа к России, рассмотрение которой проходило на уровне Военного министерства²⁴.

Материалы служебной и частной переписки, хранящиеся в личных фондах российских императоров, членов их семей и крупных государственных деятелей (Николай I - Ф. 672, Александр II - Ф. 678, великий князь Михаил

²⁴ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 311. «Исторический обзор войны России на Кавказе, с самого ее начала до наших времен», с царствования Иоанна Васильевича IV до 1840 г. – генерала Менде. Рукопись. Без даты. 46 л.

Николаевич - Ф. 649, М.Т. Лорис-Меликов - Ф. 569) *Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)* позволили дополнить конкретно-исторические данные о подготовке полковых историй кавказских частей и создании Кавказского военно-исторического музея.

Документы из фондов *Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук* (Ф. 2, Ф. 32) помогли пролить свет на подготовку и проведение Эльбрусской экспедиции 1829 г., взглянуть на данный вопрос глазами ученых, принимавших в ней непосредственное участие. Вместе с документами, выявленными в РГВИА (Ф. 846) они образовали авторитетный комплекс источников, анализ которого позволил всесторонне осветить это инициированное военным ведомством мероприятие, показать особенности его организации, ход и итоги.

Материалы фондов региональных архивов: *Государственного архива Краснодарского края* (Ф. 249 - Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска, Ф. 254 - Войсковое дежурство Кубанского казачьего войска, Ф. 396 - Войсковой штаб Кубанского казачьего войска, Ф. 351 - Полковое правление Псекупского полка Кубанского казачьего войска), *Государственного архива Ставропольского края* (Ф. 79 - Общее управление Кавказской области, Ф. 356 - Управление съемкой казенных земель Ставропольской губернии, Ф. 377 - И.Д. Попко), *Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания* (Ф. 15 - Военная канцелярия командующего войсками в Терской области, Ф. 20 - Управление Сунженского отдела Терской области, Ф. 54 - Войсковой штаб Терского казачьего войска) определили выводы о роли российских военных в сохранении и использовании документального наследия северокавказских архивов, создании полковых историй кавказских частей, участии в монументальных практиках коммеморации.

Фонды специализированных отделов библиотек и музеев: *Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки* (Ф. 68 – Генеральный штаб, Ф. 169 – личный фонд Милютиных),

Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 32 – М.З. Аргутинский-Долгоруков, Ф. 628 – Н.Н. Раевский, Ф. 646 – Г.В. Розен, Ф. 836 – А.И. Чернышев), *Отдела письменных источников Государственного исторического музея* (Ф. 6 – Г.В. Розен, Ф. 54 – Материалы музейного отдела Главнауки Наркомпроса) позволили проанализировать вклад офицеров Генерального штаба в подготовку военно-статистических описаний различных районов Северного Кавказа, выявить особенности отражения в них реалий российско-кавказского пограничья, а также установить влияние практик военной статистики на имперскую политику в регионе.

Научная новизна исследования. В диссертации проанализирован широкий круг проблем, не являвшихся ранее предметом специального научного исследования.

1. Впервые в широких хронологических рамках имперского периода отечественной истории (XVIII – начала XX в.) комплексно рассматривается участие российских военных в накоплении знаний и формировании представлений о Северном Кавказе как одной из окраин Российской империи. Показаны формы и направления военно-разведывательного изучения региона в период военного противостояния (XVIII в. – 1864 г.) и выявлены особенности формирования представлений о событиях военно-политической истории Северного Кавказа в общественном сознании на завершающем этапе Кавказской войны и в мирный период развития региона (вторая половина XIX – начало XX в.).

2. Показанные в работе различные проявления интеллектуального освоения Северного Кавказа российскими военными: от первых разрозненных описаний, через военно-статистическое изучение к сохранению исторической памяти и становлению исторического кавказоведения, являются обширным историческим материалом для изучения истории российско-кавказских отношений в исследовательском поле империологии – одного из актуальных

направлений современной историографии²⁵. Теоретические положения и выводы диссертационного исследования, основанные на изучении неопубликованных трудов такого яркого представителя интеллектуальной элиты российской армии как Д.А. Милютин, расширяют конкретно-историческую базу дискуссии о пределах и основаниях применимости модели классической колониальной империи к историческому опыту Российской империи.

3. Научная новизна исследования определяется также широким кругом проанализированных исторических источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Речь идет о документах официального происхождения, раскрывающих особенности организации военным ведомством изучения Северного Кавказа и народов его населяющих: архивные материалы о подготовке и проведении Эльбрусской экспедиции (1829 г.), организации секретных экспедиций и топографических исследований, составлении первого обобщающего описания горских народов и исторического сочинения, по вопросам присоединения Кавказа к России.

4. Обращение к неопубликованным архивным материалам позволило пролить свет на историю создания ряда сочинений по кавказской тематике, образовавших источниковую базу исторического и этнографического кавказоведения. Это труды И.Т. Раджицкого, Г.К. Калмберга, И.Ф. Бларамберга, В.Е. Галямина, Г.В. Новицкого, Ф.Ф. Торнау, В.И. Мочульского, Д.А. Милютина, Д.Х. Бушена. В исследовании показывается по чьей инициативе и с какой целью они создавались, итогом выполнения каких служебных заданий являлись.

5. В диссертации впервые рассматриваются организационные основы становления военно-статистического изучения Северного Кавказа. С помощью биографического метода показывается вклад конкретных российских военных (Н.Н. Забудского, П.К. Услара, Н.И. Карлгофа, А.И. Лаврентьева) в его

²⁵ См. об этом: Чубарьян А.О. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004. С. 6–8.

развитие. На основе кавказских рукописей Д.А. Милютин выявляется влияние военно-статистического изучения на российскую политику на Северном Кавказе и формирование основ исторического кавказоведения.

6. В работе определена роль Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа в сохранении исторической памяти военного прошлого Кавказа, что ранее не являлось предметом специального рассмотрения. На примере создания полковых историй кавказских частей и подготовки обобщающего труда по военной истории Кавказа показан вклад Военно-исторического отдела в становление исторического направления отечественного кавказоведения.

7. Опираясь на методологический инструментарий концепции исторической памяти, в диссертации впервые выявлена роль военного ведомства в развитии архивного и музейного дела на Кавказе, формировании монументального пространства региона, показано участие конкретных военных в этих процессах (И.С. Чернявского, И.Д. Попко, В.А. Потто, В.И. Томкеева, С.С. Эсадзе).

Положения, выносимые на защиту.

1. Начало изучения российскими военными Северного Кавказа было положено в первой четверти XVIII в. и определялось интересами российского государства. Подготовка и проведение Персидского похода Петра I стали причинами организации первых разведывательных экспедиций, охвативших прикаспийские районы Кавказа. Итоги научно-практической деятельности российских военных на этом этапе нашли свое отражение в появлении первых описаний региона, предназначенных для дальнейшего использования в военно-стратегических целях, а также в разработке карты Каспийского моря, которая использовалась в торговом судоходстве вплоть до середины XIX в. Несмотря на достигнутые положительные результаты, тенденция военно-разведывательного изучения Северного Кавказа была прервана при приемниках Петра I, в условиях значительного ослабления российских позиций на Кавказе.

2. Во второй половине XVIII – начале XIX в., в условиях активизации российской политики в регионе, география исследования Кавказа с участием российских военных была существенно расширена, и включила территории Центрального и Северо-Западного Кавказа. Собранные военными сведения на этом этапе не только расширяли знания о недавно присоединенных к России территориях, но и закладывали основание для формирования ориенталистского дискурса. Военный нарратив, представленный в форме записок, походных дневников и этнографических очерков, постепенно «открывал» Северный Кавказ для широких кругов общественности и идеологически обосновывал установление российского доминирования в регионе.

3. Необходимость изучения Северного Кавказа в период Кавказской войны определялась не столько научными, сколько практическими целями, поскольку отсутствие подробной и достоверной информации о крае приводило к неправильным решениям и тяжелым последствиям. Это предопределило участие военного ведомства в организации изучения региона в таких формах как военно-научные экспедиции, секретные обзоры и топографические исследования.

4. Главными участниками военно-разведывательного изучения Северного Кавказа периода Кавказской войны стали офицеры Генерального штаба и чины Корпуса военных топографов. Анализ архивных документов показал формирование в военной среде феномена офицера-исследователя. Мотивы, которыми он руководствовался, отнюдь не исчерпывались соображением карьеры или выполнения служебного долга. Важное значение имела тяга к знаниям, стремление исследовать и понять своеобразие мира «Другого». Собранные такими офицерами географические и этнографические сведения использовались для решения текущих практических задач имперской политики в регионе и формировали научную базу для развития отечественного кавказоведения.

5. Полевые сборы офицеров привели к накоплению значительного материала для проведения камеральных исследований. На основе собранных

военными сведениями развернулась работа по составлению обобщающих военно-статистических описаний Кавказского края. Изучение делопроизводственных документов военного ведомства, и прежде всего материалов дела «О составлении истории горских народов» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1–2.) позволило прийти к заключению о переходе в начале 30-х гг. XIX в. от кратких этнографических зарисовок отдельных местных народов, составляемых военными по частной инициативе и на досуге, к подготовке масштабного и всестороннего описания края, инициированного и поддерживаемого на государственном уровне.

6. В период Кавказской войны развернулась работа по составлению подробных описаний уже подконтрольных российским властям территорий – отдельных участков Кавказской линии, которые позволяли увидеть военные, хозяйственные и другие реалии российско-кавказского пограничья во всем их многообразии и противоречивости. На примере военно-статистического описания Терского левобережья штабс-капитана Г.К. Калмберга, рукопись которого была выявлена нами в ГАСКе (Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508) показано, что в таких работах офицеры не ограничивались сухой констатацией фактов, а стремились понять причины сложившегося положения дел и сформулировать свои предложения по корректировке российской политики в регионе.

7. Изучение Северного Кавказа «с точки зрения военной» приближало российское командование к решению главной задачи – завершению военного противостояния. Анализ военно-статистических описаний, подготовленных офицерами Генерального штаба (Н.Н. Забудским, П.К. Усларом, Н.И. Карлгофом, А.И. Лаврентьевым), показывает, что важной целью их создания являлось накопление знаний для выработки оптимальной модели интеграции Северного Кавказа в российское государственное пространство. По их итогам были детализированы сведения об этническом составе местного населения, уточнены география его расселения и особенности хозяйственной деятельности, сформировано представление о социальном, религиозном и культурном многообразии региона. Порожденный имперской политикой

России на Кавказе феномен военного кавказоведения вышел за рамки обслуживания только ее целей и способствовал становлению научного изучения Кавказа.

8. Анализ кавказских рукописей Д.А. Милютина показал, что итогом военно-статистического изучения региона стало понимание российским командованием того, что без учета предыдущего исторического опыта и знания местной специфики отдельных частей Кавказа разрешение кавказского вопроса невозможно. Применяемые на практике теоретические положения разработанной Д.А. Милютиным военной статистики, позволяли российскому командованию лучше узнать своего противника и даже на самых напряженных участках Кавказской войны находить возможность для мирного общения и компромиссов. Ярким подтверждением тому являются переговоры, ставшие неотъемлемой частью российской политики на Северном Кавказе.

9. Одним из проявлений интеллектуального освоения Северного Кавказа российскими военными стала популяризация сведений о событиях военно-политической истории региона среди широких кругов общественности. Активными участниками этого процесса были военные художники, публицисты и историки, творческая и научно-исследовательская деятельность которых была направлена на объяснение исторического значения присоединения Северного Кавказа к России. Являясь современниками, а зачастую и участниками представляемых событий, российские военные стремились к реалистичности отражения явлений кавказской действительности. Их труды служили не только для обоснования имперской политики и подпитки имперского духа, но и для критики этой политики и воспитания в российском общественном сознании терпимости и уважения к представителям других культур.

10. Включение военных в развитие исторического кавказоведения имело вполне практические причины – изучение исторического опыта, его оценка и использование для повышения эффективности российских действий в регионе. Анализ программных документов по подготовке военной истории Кавказа (на

основе материалов Д.А. Милютина) и конечных результатов (исторических сочинений Н.Ф. Дубровина) позволил прийти к заключению о стремлении российских военных к обоснованию закономерности включения Кавказа в сферу российского влияния. В работах военных историков развивалась мысль о том, что Россия не только несла народам Северного Кавказа порядок и «цивилизацию», она к тому же делала это лучше, чем другие империи в отношении к населению их колоний, руководствуясь при этом интересами благополучия самих присоединяемых народов.

11. В период мирного развития региона в фокусе внимания военной администрации оказывается проблема сохранения памяти военного прошлого Кавказа, важными инструментами формирования которой становятся полковые истории, общественные монументы, архивы и музеи. Военные историки в лице И.Д. Попко, И.С. Чернявского, В.А. Потто внесли значительный вклад в изучение и сохранение материалов военных архивов Северного Кавказа. Наряду с сотрудниками Кавказской археографической и Ставропольской ученой архивной комиссий эти люди стояли у истоков архивного строительства в крае, а их инициативы привели к сохранению части того богатого документального наследия, которое в настоящее время образует источниковую базу для современных исследователей Кавказа.

12. Важным инструментом конструирования культурного ландшафта и создания «мест памяти» на Северном Кавказе стали военные памятники. Триумфальные арки, бюсты, статуи и небольшие обелиски, сооружаемые за счет государства и добровольных пожертвований воинских частей, стали распространенным явлением монументального пространства региона конца XIX – начала XX в. Военные памятники выполняли свою консолидирующую роль прежде всего в военной среде. Одновременно они являлись символами российского доминирования в регионе, поддерживали в массовом сознании официальную идеологию и закрепляли императивы общеимперской идентичности.

13. Знаковым элементом инфраструктуры памяти в регионе стал Кавказский военно-исторический музей. Он являлся мощным инструментом государственной политики памяти на новой окраине страны. Экспозиции музея, а также научно-просветительская деятельность его сотрудников, оказывали существенное влияние на массовое историческое сознание российской провинции, пропагандируя идеи единого Отечества и объединения народов под скипетром российского монарха. Однако являясь созданием политического режима, он функционировал ровно столько, сколько жил сам режим и после свержения самодержавия пополнил список утраченных и распылившись военно-исторических коллекций.

14. Цели и направления интеллектуальной деятельности российских военных на различных этапах российско-кавказского исторического взаимодействия были различны. В XVIII – первой половине XIX в. военные собирали сведения, изучали и накапливали знания о регионе для того чтобы расширить сферы российского присутствия на Кавказе и установить контроль над местным населением. В мирный период развития региона, научно-практическая деятельность российских военных стала одним из инструментов политики памяти. Интеллектуальные усилия военных были обращены на формирование идеологии имперской идентичности, направленной на сохранение государственного единства России. Популяризируя знания о военно-политической истории региона, имперские практики коммеморации влияли на формирование социальной среды, способной к восприятию смыслов и ценностей империи.

Практическая значимость диссертации. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов по истории России периода империи и одной из ее национальных окраин, которой являлся Северный Кавказ, а также при разработке учебных курсов по данной тематике.

Содержащийся в диссертации материал и научные обобщения могут быть интересны работникам общественно-политических организаций и органов

государственной власти, имеющим отношение к организации военно-патриотического воспитания среди молодежи. Богатый опыт деятельности Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа по подготовке полковых истории и созданию военно-исторического музея может быть использован и в наши дни в военных округах современной России.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности. Работа выполнена в рамках научной специальности 07.00.02. – Отечественная история и затрагивает следующие области исследования: п. 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; п. 8. Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития; п. 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; п. 17. Личность в российской истории, ее персоналии; п. 22. Интеллектуальная история России; п. 25. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация результатов исследования и выносимых на защиту положений проводилась автором в форме публикаций в научных изданиях, докладов и сообщений на международных, всероссийских, региональных и вузовских научных конференциях. По теме диссертации опубликовано 57 научных работ, в том числе 17 – в рецензируемых научных изданиях из Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук и 2 монографии (одна в соавторстве). Общий объем публикаций по теме исследования составляет более 40 п.л.

В 2014 – 2015 гг., в ходе подготовки диссертационного исследования, был реализован под моим руководством проект РГНФ № 14-01-00251 «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII – XIX вв.». Отдельные аспекты диссертационного исследования нашли свое отражение в ходе участия в реализации проектов РГНФ № 11-41-93016к «“Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...” Социокультурная

деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников)», 2011 г. и РФФИ № 16-01-12012 «Российские историко-культурные памятники XIX – начала XX вв. на Северном Кавказе: научно-исследовательский ресурс», 2016 – 2017 гг. в качестве основного исполнителя.

Текст диссертации обсуждался и был рекомендован к защите на совместном заседании кафедры истории России и кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложений, которые включают тексты исторических источников, которые впервые вводятся в научный оборот.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** раскрывается актуальность темы; определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи; обосновываются географические и хронологические рамки; характеризуется методологическая основа исследования, его научная новизна и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту; даются сведения по апробации результатов и структуре исследования.

В **первой главе «Историография. Теория. Источники»**, состоящей из трех параграфов, характеризуется степень изученности предмета диссертации, обосновывается научная проблема, на решение которой направлено настоящее исследование, анализируются теоретические и методологические положения, повлиявшие на предмет и научный тезаурус работы, а также характеризуется ее источниковая база.

Вторая глава «Российские военные в формировании представлений о Северном Кавказе в XVIII – первой трети XIX в.» состоит из трех параграфов, в которых последовательно раскрывается зарождение систематического изучения Кавказа с участием военных, изменение организационных форм и

географии исследовательских практик по мере расширения российского присутствия в регионе.

В *параграфе 2.1.* анализируется исследовательская деятельность российских офицеров в первой половине XVIII в. В условиях активизации политики России на Кавказе, военными было положено начало сбора сведений о его восточной части. Главными объектами разведывательных мероприятий российского правительства являлись преимущественно прикаспийские провинции: Дагестан, Ширван и Гилян. Во многом это объясняется политическими и экономическими интересами Петра I, связанными с поиском надежных и безопасных торговых путей в страны Востока.

Подготовка и проведение Персидского похода (1722 – 1723 гг.) предопределили направление первых разведывательных экспедиций, исполнителями которых были подполковник А.П. Волынский, секунд-майор А.И. Лопухин, капитан А.П. Баскаков, капитан И.Г. Гербер, а также морские офицеры К.П. фон-Верден и Ф.И. Соймонов. Итоги научно-практической деятельности российских военных на этом этапе нашли свое отражение в составлении первых описаний региона, в которых обосновывалась необходимость присоединения стратегически важных и богатых природными ресурсами прикаспийских провинций к России. Другим важным результатом стала разработка карты Каспийского моря, использовавшейся как в военно-стратегических целях, так и для развития торгового судоходства. Отчеты экспедиций поступили в учрежденную в 1724 г. Академию наук и образовали часть того первоначального фонда, на котором впоследствии основывались работы по изучению Кавказа.

В *параграфе 2.2.* характеризуется интеллектуальная деятельность отдельных представителей российского офицерского корпуса, направленная на формирование представлений о регионе в военных кругах и в общественном сознании во второй половине XVIII – первой трети XIX в.

Процесс познания Северного Кавказа и его населения был весьма долгим и трудным. Важную роль в нем сыграли организованные Академией наук

экспедиции и поездки отдельных ученых. Тем не менее, расширение сфер российского влияния в регионе, включение в пределы империи новых территорий и народов требовало постоянного дополнения уже имеющихся сведений. Поэтому наряду с учеными, в сложной и неустойчивой военно-политической обстановке рассматриваемого периода, в роли пионеров-исследователей выступили российские военные.

В ходе выполнения служебных заданий, офицерами квартирмейстерской части (Генерального штаба) был подготовлен ряд работ, описывающих положение дел в различных частях региона: подполковником Л.Л. фон Штедером – на Центральном Кавказе, майором А.Г. Серебровым – в Дагестане, подполковником А.М. Буцковским – в Кавказской губернии. Создание таких описаний определялась необходимостью решения военно-стратегических задач и освоения ресурсов присоединенных территорий. Часто разрозненные, но отличающиеся высокой степенью достоверности, полевые исследования квартирмейстеров пополнили ту эмпирическую базу, на основе которой стали создаваться обобщающие работы по кавказской тематике (П.Г. Бутков, С.М. Броневский, И.Л. Дебу), и тем самым влияли на формирование общего восприятия Северного Кавказа в России как своего «Востока».

В *параграфе 2.3.* обращается внимание на литературное творчество российских военных по кавказской тематике и анализируется его влияние на формирование общих представлений о северокавказских реалиях в глазах общественности. Неся службу на южных рубежах империи, российские военные постепенно присматривались к Северному Кавказу, посвящая его изучению и описанию свободное время. Итогом такой творческой деятельности становились создаваемые на досуге этнографические очерки, путевые записки, повести и поэмы. Их авторы преследовали цель понять новый для них культурно-цивилизационный мир, разобраться в его пестроте и многообразии.

В частях Отдельного Кавказского корпуса служило не мало известных русских писателей и поэтов (А.И. Одоевский, А.А. Бестужев-Марлинский, М.Ю. Лермонтов, А.И. Полежаев, Л.Н. Толстой). Их произведения постепенно

«открывали» миру самобытную культуру народов Северного Кавказа, знакомили с их бытом, ментальностью и нравами. Частью этого литературного потока стали малоизвестные в настоящее время произведения полковника артиллерии И.Т. Раджицкого. Он был одним из первых «популяризаторов» Кавказа, благодаря которому у читающей части российского общества появилась возможность больше узнать о новой окраине страны.

В произведениях И.Т. Раджицкого преобладал образ свободлюбивых и независимых горцев, «благородных разбойников», которые с оружием в руках отстаивают право жить по своим законам и обычаям. Как кадровый военный он не сомневался в правильности силовой политики на Северном Кавказе, а причины эскалации военного противостояния объяснял нравами и образом жизни местного населения. Попадая на страницы периодических изданий его произведения объясняли необходимость установления российского доминирования в регионе.

В третьей главе *«Формы военно-разведывательного изучения Северного Кавказа периода Кавказской войны»* раскрываются организационные особенности исследования Северного Кавказа военными в период эскалации вооруженного противостояния с горцами (конец 1820-х – 1864 г.).

В *параграфе 3.1.* характеризуется военно-научная экспедиция на г. Эльбрус, осуществленная в 1829 г. по инициативе командующего на Кавказской линии генерала Г.А. Емануеля. Изначально он не ставил своей целью комплексное научное познание местности. Ему было достаточно проведение топографических исследований (для этого в распоряжении генерала находились офицеры Генерального штаба и военные топографы) и разведки полезных ископаемых в горах (для этого он подыскивал специалистов по части горного дела). Тем не менее, когда вышестоящее начальство пригласило к участию в экспедиции ученых, командующий на Кавказской линии сделал все от него зависящее для ее успешного проведения и выступил гарантом обеспечения ее безопасности.

Ход Эльбрусской экспедиции, способы ее осуществления и итоги показывают, что это мероприятие вышло за рамки чисто военного обозрения. Экспедиция закрепила за Россией приоритет в восхождении на самую высокую вершину Кавказа и положила начало научного изучения Приэльбрусья. Собранные ее участниками материалы существенно расширили данные о местной флоре и фауне, полезных ископаемых, высотах гор, дополнили представления о культуре и укладе жизни горского населения и в течение нескольких десятилетий служили основой для изучения Кавказа в Академии наук. Более того, первое, документально подтвержденное, восхождение на г. Эльбрус получило широкий общественный резонанс как в России, так и в Европе, свидетельствуя о российских военных как об активных участниках продолжающегося интеллектуального освоения новой окраины империи.

В *параграфе 3.2.* речь идет о подготовке и проведении секретных операций в горах Северного Кавказа, исполнителями которых выступали офицеры-разведчики. Сбор сведений о территориях, населенных так называемыми «немирными» горцами, осуществлялся различными способами. Самой распространенной формой были рекогносцировки местности во время военных экспедиций в горы. Однако этот способ получения информации, при порой совершенно ничтожных результатах, требовал больших людских и материальных средств. Поэтому российское командование нередко обращалось, говоря языком официальных документов, к «скрытным обозрениям земель неприязненных нам горцев»²⁶. Практики разведывательных операций в горы, осуществляемые специально подготовленными для этого офицерами, стали осуществляться при главнокомандующих на Кавказе И.Ф. Паскевиче, своего расцвета достигли при Г.В. Розене и, из-за участившихся случаев гибели разведчиков, были отменены Е.А. Головиным.

Как важный источник уточнения информации о «немирных» горцах, деятельность исполнителей «скрытных обозрений» получила высокую оценку со стороны правительства. Их отчеты (Г.В. Новицкого, И.В. Шаховского, Ф.Ф.

²⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 308.

Торнау, Ф.И. Гене, В.И. Мочульского и др.) отличались подробным, со знанием дела, изложением сведений и имели большое практическое значение. Представленные в них этнографические и топографические данные использовались для составления обобщающих описаний Кавказа, карт, создания проектов окончательного «умиротворения» края и выработки приемлемых форм в организации его управления.

Собранные разведчиками сведения хранились в военных архивах и использовались исключительно для нужд военного ведомства. Лишь во второй половине XIX в., уже после завершения Кавказской войны, воспоминания некоторых из них увидели свет на страницах российских периодических изданий и тем самым способствовали знакомству с Кавказом российского общества. Не потеряли своей актуальности их материалы и в настоящее время, представляя собой ценный исторический источник для всех, занимающихся изучением истории, этнографии и географии региона.

В *параграфе 3.3.* выявляется вклад военных топографов в интеллектуальное освоение Северного Кавказа. На материалах служебной биографии И.И. Ходзько раскрывается их роль в развитии картографии и географии региона.

Топографические работы стали неотъемлемой содержательной частью военно-разведывательного изучения Кавказа. Военные топографы были обязательными участниками военно-научных экспедиций, рекогносцировок и «скрытных обзрений». Составляемые ими маршруты, планы местностей, укреплений и станиц использовались не только для нужд военного ведомства. Накопленные в ходе топографических съемок и геодезических наблюдений данные образовали основу для картографирования региона и тем самым способствовали хозяйственному освоению новой окраины России.

Результаты деятельности военных топографов становились важным приобретением для науки и положительно отражались на развитии географического изучения Кавказа. Триангуляция И.И. Ходзько, которая по трудности произведенных работ и обилию накопленного материала не уступала

индийской триангуляции Дж. Эвереста, его исследовательская деятельность в качестве помощника председателя Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО), по достоинству были оценены научной общественностью России. Сама личность И.И. Ходзько представляет собой пример неутомимого исследователя, успешно сочетавшего служебную деятельность с занятиями наукой.

Четвертая глава «Исследовательская деятельность офицеров Генерального штаба на Северном Кавказе как практика военной статистики (30 – 50-е гг. XIX в.)» посвящена рассмотрению эволюции военно-статистического изучения Северного Кавказа, его участникам и полученным результатам.

В *параграфе 4.1.* анализируется подготовка инициированного в начале 30-х годов XIX в. императором Николаем I обобщающего описания населения центральной и северной части Главного Кавказского хребта, Восточного берега Черного моря и Дагестана. Особое внимание уделяется характеристике роли военного ведомства и отдельных российских офицеров (В.Е. Галямина, И.Ф. Бларамберга) в реализации данного проекта. На основе архивных материалов раскрываются особенности выявления и систематизации сведений, отражающих географические, статистические, исторические и этнографические данные о горных районах новой окраины России.

Итогом выполнения поручения императора стал сводный труд по этнографии горцев Кавказа. Созданный усилиями офицеров Генерального штаба и представленный в виде рукописи И.Ф. Бларамберга, этот труд хотя и отличался различной степенью подробности изложения материала о разных народах, тем не менее отражал сложившееся веками многообразие культур жителей региона. Это позволяет говорить о том, что его изучение офицерами Генерального штаба не ограничивалось исключительно военными целями и закладывало основы для становления этнографического кавказоведения. По уникальности и достоверности включенных в рукопись И.Ф. Бларамберга сведений она и в настоящее время представляет собой ценный источник для

научного изучения этнической истории и традиционной культуры народов Кавказа.

В *параграфе 4.2.* обращается внимание на подготовку военными описаний отдельных участков Кавказской линии. Ряд таких сочинений был составлен в ходе выполнения инициированного в начале 40-х гг. XIX в. Кавказским горским управлением изучения народных преданий и обычаев горцев. Организация выполнения этого проекта, характеристика привлеченных к его исполнению офицеров (В.И. Голенищев-Кутузов, М.Б. Лобанов-Ростовский, Давыдовский, Я. Шарданов, Т.А. Норденстренг, А.А. Кучеров, М.Я. Ольшевский, К.Ф. Сталь) и полученные ими результаты уже нашли свое достойное отражение в отечественной историографии²⁷. Поэтому в рамках настоящего параграфа подробно анализируется пока еще недостаточно исследованное описание Терского левобережья штабс-капитана Г.К. Калмберга²⁸.

В 1834 г. он был направлен с инспекторской поездкой на левый фланг Кавказской линии для сбора достоверных сведений о военном и хозяйственном состоянии расположенных там казачьих станиц и крепостей. По итогам выполнения служебного задания офицер подготовил подробный отчет, который позволял увидеть военные, хозяйственные и другие реалии кавказского пограничья во всем их многообразии и противоречивости: недостатки в организации кордонной службы казаков, случаи казачьего «нерадения», неустроенность их станичного и хозяйственного быта. Приведенные офицером данные получили не только практическое применение. В дальнейшем они использовались в научных целях для реконструкции исторической действительности казачьей повседневности на Северном Кавказе периода Кавказской войны²⁹.

²⁷ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1. С. 341–345; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. I. 447 с.; 1883. Вып. II. 403 с.

²⁸ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1508.

²⁹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. СПб., 1880. 518 с.

В *параграфе 4.3.* выявляется роль офицеров Генерального штаба в подготовке военно-статистических описаний Кавказа как комплекса знаний для развития ненасильственной интеграции региона в состав России.

Становление военной статистики в России неразрывно связано с именем Д.А. Милютина. В начале 40-х гг. XIX в. он входил в число офицеров Генерального штаба, прикомандированных к Отдельному Кавказскому корпусу, в служебные обязанности которых входило изучение края. Д.А. Милютиным был разработан курс лекций по военной статистике Кавказа, который он преподавал в Военной академии Генерального штаба с 1845 г. Лекции Милютина включали общий обзор Кавказа в географическом, топографическом, этнографическом отношении, а также анализ основных направлений российской политики в регионе, с выявлением их сильных и слабых сторон. Д.А. Милютин настаивал на гибкой политике, основанной на знании местной специфики отдельных частей Кавказа. Под влиянием его идей в военной среде утвердилось понимание того, что без учета предыдущего опыта и настроений местного населения разрешение кавказского вопроса невозможно.

Сформулированные Д.А. Милютиным теоретические основы военной статистики легли в основу опубликованных в начале 1850-х гг. военно-статистических описаний отдельных частей Кавказа, авторами которых являлись офицеры Генерального штаба: Ставропольской губернии – Н.Н. Забудский, Эриванской губернии – П.К. Услар, Восточного берега Черного моря – Н.И. Карлгоф. По своему содержанию они не были похожи на сборники сырых материалов, усеянных сухими цифрами. В них прослеживается близкое знакомство авторов с описываемым краем и искреннее сочувствие его населению. По обилию и разнообразию заключенной в военно-статистических трудах информации, они представляли весьма важное приобретение для правительства и в особенности для военного ведомства. Их сведениями руководствовались для определения обороноспособности той или иной территории и ее военных ресурсов, а также для развития местной инфраструктуры. Военно-статистические исследования Генерального штаба

способствовали завершению военного противостояния на Кавказе, а в дальнейшем формированию эффективной системы управления краем в период нового мирного его развития.

В главе пятой *«Участие военных в популяризации событий военно-политической истории Северного Кавказа (40 – 70-е гг. XIX в.)»* раскрывается роль российских военных в формировании представлений о боевой и мирной жизни новой окраины России у широких кругов общественности. Имея личный опыт знакомства с регионом, они активно включились в создание общих представлений о Северном Кавказе и его народах, пытались объяснить смысл и историческую значимость происходивших там событий.

В параграфе 5.1. характеризуются особенности отражения кавказских реалий в творчестве военных художников, их влияние на формирование у современников образа Кавказа, а у потомков – исторической памяти о событиях и участниках военного противостояния в регионе.

Среди служивших на Кавказе офицеров было немало живописцев: Г.А. Коррадини, П.И. Бабаев, И.Н. Занковский, Г.Г. Гагарин. Особое место среди них занимал Т. Горшельт – немецкий художник, прикомандированный к штабу Кавказской армии в качестве волонтера. Их живописные полотна, созданные в различных жанрах, объединяло одно – искреннее желание европейского человека понять «экзотический» Кавказ. Как очевидцы и участники военных походов и сражений, делившие с солдатами все трудности, они, в отличие от придворных баталистов, не приукрашивали суровую действительность боевой жизни. Их картины правдивы и реалистичны. Наряду с батальными сценами произведения военных художников затрагивали сюжеты мирного Кавказа, отражали быт местного населения и деятельность российских военных по хозяйственному освоению и благоустройству региона.

«Мода» на Кавказ притягивала внимание к творчеству художников в погонах. Их живописные полотна выставлялись в музеях, рисунки, выполненные с натуры, воспроизводились в виде литографий в «Русском художественном листке» В.Ф. Тимма. Это позволяло увидеть Кавказ таким,

каким он был на самом деле, делали край ближе и понятнее российскому обществу, показывало современникам, что Кавказская война по своей сути явление чрезвычайно многомерное, включающее не только вооруженное противостояние.

В *параграфе* 5.2. раскрываются предпринимаемые в Военном министерстве первые опыты подготовки обобщающего труда, посвященного истории утверждения российской государственности на Кавказе. Изучение военными причин затянувшегося противостояния с горцами Северного Кавказа и разработка планов по их «умиротворению» приводило к мысли о необходимости пристального изучения предшествующего исторического опыта и, как следствие, сбора материалов для подготовки исторических сочинений.

В число военных, стоявших у истоков исторического кавказоведения, входил Д.А. Милютин. В 1849 г. по высочайшему повелению он приступил к написанию «Истории военных действий на Кавказе, в Азиатской Турции и против Персии». Д.А. Милютин планировал раскрыть в новом сочинении не только военные, но и политические аспекты истории Кавказа и показать их в широких хронологических рамках: начиная с походов киевского князя Святослава и заканчивая описанием военных действий на Кавказе первой половины XIX в. Для выявления материалов и создания источниковой базы будущего исследования, в помощники к Милютину был назначен капитан Генерального штаба Д.Х. Бушен.

Научно-исследовательская деятельность Д.А. Милютина и Д.Х. Бушена является свидетельством создания, под контролем Военного министерства, обобщающего труда по военно-политической истории Кавказа. Тогда эта работа преследовала не столько научные, сколько практические цели. Ее главным результатом должно было стать понимание специфики края, выявление причин неудач российской политики и в конечном итоге, формирование эффективной стратегии и тактики образа дальнейших действий в регионе, с учетом предыдущих ошибок.

Назначение на Кавказ, в действующую армию (1856 г.), помешало Д.А. Милютину выполнить порученное ему исследование. Однако преуменьшать значение достигнутых им в творческом союзе с Д.Х. Бушеном результатов не следует. Возглавив Главный штаб Кавказской армии, Д.А. Милютин смог реализовать накопленные знания на практике, что и было им успешно выполнено. Спустя три года после своего назначения на новую должность, он уже сопровождал А.И. Барятинского в заключительной военной операции на Северо-Восточном Кавказе в ауле Гуниб, ознаменовавшейся пленением имама Шамиля. Научным итогом нереализованного проекта стала обширная документальная коллекция³⁰, послужившая источниковой базой для следующих поколений кавказоведов, занимающихся исследованием различных аспектов военно-политической истории Северного Кавказа.

В *параграфе 5.3.* анализируются вопросы подготовки и выхода в свет первых исторических сочинений, посвященных Кавказской войне. В фокусе рассмотрения оказалась творческая деятельность Р.А. Фадеева, Д.И. Романовского, Н.Ф. Дубровина.

Историко-исследовательская деятельность российских офицеров была направлена, в первую очередь, на популяризацию истории присоединения Кавказа к России. Работы Р.А. Фадеева и Д.И. Романовского, написанные на фактах, очевидцами которых были они сами и на мнениях людей, хорошо изучивших край, представляли собой первые обобщающие исторические сочинения по кавказской тематике. Вместе с тем, военная тема в их трудах явно преобладала, а все остальные сведения географического, этнографического, социально-экономического характера носили лишь вспомогательный характер, более рельефно показывая те усилия, которые затратила армия на Кавказе. Более них к разработке общей истории присоединения Кавказа к России приблизился Н.Ф. Дубровин. Его труды положили начало переходу от эмоционального военного нарратива времен Кавказской войны к

³⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Материалы для истории Кавказа и кавказских войн, собранные Бушеном. Ч. 1–104.

энциклопедическому подходу в изучении региона, показали историку необходимость уйти от чисто военной тематики и обратиться к серьезному и всестороннему исследованию Кавказа.

В шестой главе *«Российские военные в политике памяти: практики коммеморации (последняя четверть XIX – начало XX в.)»* рассматриваются инструменты формирования и сохранения памяти военного прошлого Кавказа, их военно-патриотический и идеологический потенциал.

В параграфе 6.1. характеризуются организационные основы подготовки истории полков, боевой путь которых был связан с Кавказом. Военная реформа 1874 г. привела к тому, что армия намного теснее, чем прежде, стала связана с обществом и могла успешно выполнять только те задачи, которые были понятны офицерам и солдатам. Это привело к повышенному вниманию власти к организации идеологической и воспитательной работы в войсках. Для решения данного вопроса при штабе Кавказского военного округа (КВО) был создан Военно-исторический отдел, а одним из направлений его деятельности становится организация работ по написанию полковых историй.

Исследование вопросов развития полковой историографии на Кавказе показывает, что авторами полковых историй, чаще всего становились люди, не являвшиеся профессиональными историками. Их историческое мышление определялось мировоззренческими установками, господствовавшими в их время и стремлением сохранить память о боевых подвигах и традициях своей части. Процесс написания полковой истории зависел не только от воли автора и его личного опыта. Во многом он определялся наличием материалов и необходимых средств на издание. Решением этих вопросов на Кавказе занимался Военно-исторический отдел, деятельность которого оказалась столь успешной, что к началу XX в. почти все войсковые части Кавказского военного округа располагали своими историями. Многие из них по своему содержанию выходили далеко за рамки сухого перечня военных сражений. Включая в себя общие исторические обзоры войн и связанных с ними политических событий,

они постепенно формировали основу для создания научного исторического кавказоведения.

Параграф 6.2. посвящен выявлению особенностей развития военных архивов региона, а также рассмотрению участия военных специалистов в сохранении и использовании их документов. История военных архивов на Северном Кавказе последней четверти XIX – начала XX в. неотделима от мероприятий по увековечению памяти о войсковых частях русской армии, боевой путь которых был связан с регионом. Поощряемая главнокомандующим Кавказской армией великим князем Михаилом Николаевичем деятельность по написанию полковых историй кавказских войсковых частей и публикации архивных источников показала, что эффективность данной работы напрямую зависела от состояния местных военных архивов. Архивные дела, включающие сведения о минувших событиях, взаимно дополняющие друг друга, были разбросаны по разным городам Северного Кавказа, и без предварительного разбора всего материала оказалось невозможным ни подготовка исторических сочинений, ни издание отдельных документов.

Координатором архивных работ выступил Военно-исторический отдел при штабе КВО. Возглавлявший отдел генерал И.С. Чернявский организовал обследование военных архивов для написания обобщающего труда по военной истории Кавказа и отправил на места «историографических изыскателей». Результатом инициированной И.С. Чернявским работы по разбору местных архивов стало рассмотрение десятков тысяч дел, с указанием на те из них, которые заключают в себе исторический материал. При этом следует отметить, что не все привлеченные к «архивным изысканиям» офицеры обладали историческими познаниями, достаточным опытом и подготовкой к работе с архивами, а значит не всегда могли понять смысл исторического документа. В итоге добиться полного упорядочения архивного дела и прекращения хаотичного уничтожения архивов тогда так и не удалось.

В условиях «архивного нестроения» возглавивший Военно-исторический отдел генерал В.А. Потто выступил с инициативой централизации архивов

Кавказского военного округа и создания в Тифлисе общего военно-исторического архива. Упорядочению военных архивов Северного Кавказа помешали Первая мировая война, а затем революционные события и Гражданская война.

В *параграфе 6.3.* рассматривается история создания военных памятников в регионе и их влияние на формирование массового исторического сознания. Монументальное пространство Северного Кавказа было представлено памятниками различных форм: триумфальные ворота, обелиски (доминировали), бюсты и статуи. К ним следует добавить остатки фортификационных сооружений на Черноморском побережье и в бывших российских крепостях. Скульптурные памятники были весьма малочисленны и в большей степени заполняли воображаемое, нежели реальное монументальное пространство региона.

Поскольку увековечивание памяти о событиях и действующих лицах Кавказской войны стало ключевым направлением культурной политики на новой окраине империи, военные памятники доминировали в регионе и определяли его монументальное пространство. Они являлись проявлением исторической памяти и оказывали непосредственное влияние на ее формирование. Их символическая задача заключалась не столько в прославлении побед русского оружия (ведь на Северном Кавказе недавние противники стали подданными империи), сколько в сохранение памяти о том, благодаря кому и какой ценой регион стал частью Российской империи. Знаковые фигуры и события имперской интерпретации военного прошлого Кавказа, увековеченные в камне и бронзе, являлись символами российского доминирования в регионе, поддерживали в массовом сознании официальную идеологию и закрепляли императивы имперской идентичности.

В *параграфе 6.4.* проблема сохранения исторической памяти и забвения анализируется на материалах Кавказского военно-исторического музея (КВИМ). Среди других военных музеев империи он выделялся значительным

количеством и содержанием экспонатов, а по охвату всех отраслей военного дела, являлся единственным в России музеем такого рода.

Материалы КВИМ активно использовались в военно-воспитательных целях. Знакомство с музейными экспонатами позволяло военнослужащим поближе познакомиться с историей боевого пути своей войсковой части, вселяло в них чувство уважения и гордости за своих предшественников, и в целом формировало систему их нравственных и ценностных ориентиров. При этом КВИМ выступал не только воспитательным средством в военной среде. Он являлся символом могущества государства, инструментом его идеологической политики на кавказской окраине. Возникнув по инициативе военной администрации, музей оказывал существенное влияние на массовое историческое сознание российской провинции, пропагандируя идеи единого Отечества и объединения народов под скипетром российского монарха.

После революционных событий 1917 г., в иных политических реалиях, потребность в функционировании такого учреждения отпала и как единое целое музей прекратил свое существование. Его коллекции растворились в фондах региональных музеев и были забыты, как, впрочем, и многие события военной истории Кавказа.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы выводы, главный, из которых, что изучение Северного Кавказа «с точки зрения военной» приблизило российское командование к решению главной задачи - завершению военного противостояния, а накопленные знания образовали прочную научную базу для развития различных направлений отечественного кавказоведения: географического, этнографического и исторического. После завершения Кавказской войны, в мирный период развития региона, научно-практическая и творческая деятельность российских военных стала одним из инструментов политики памяти в регионе. Интеллектуальные усилия военных были обращены на военно-патриотическое воспитание в войсках и формирование идеологии имперской идентичности, направленной на сохранение государственного единства России.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:**

1. Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Колосовская, Т.А. Историческая память о Кавказской войне XIX века в художественном наследии ее участников / Т.А. Колосовская // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – Вып. 1. – С. 68–73. (0,5 п.л.)

2. Колосовская, Т.А. Из истории военно-разведывательного исследования Восточного Кавказа в эпоху Петра I / Т.А. Колосовская // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2012. – Вып. 80 (3). – С. 141–147. (0,5 п.л.)

3. Колосовская, Т.А. «Скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев»: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е гг. XIX в. / Т.А. Колосовская // Армия и общество: научно-информационный журнал. – 2013. – № 1 (33). – С. 175–182. (0,5 п.л.)

4. Колосовская, Т.А. «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления»: историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко / Т.А. Колосовская // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 4. – С. 53–58. (0,7 п.л.)

5. Колосовская, Т.А. Боевая и хозяйственная повседневность кавказского пограничья в освещении офицера Генштаба Г.К. Калмберга (1834 г.) / Т.А. Колосовская // Новый исторический вестник. – 2014. – № 1 (39). – С. 6–20. (Scopus) (0,7 п.л.)

6. Колосовская, Т.А. Роль российских военных топографов в освоении и географическом изучении Кавказа периода Кавказской войны / Т.А. Колосовская // Армия и общество: научно-информационный журнал. – 2014. – № 3 (40). – С. 34–40. (0,7 п.л.)

7. Колосовская, Т.А. Из истории сохранения и использования документов военных архивов Северного Кавказа последней четверти XIX –

начала XX в. / Т.А. Колосовская // Отечественные архивы. – 2015. – № 4. – С. 3–11. (0,7 п.л.)

8. Колосовская, Т.А. К вопросу об археографии военной истории Кавказа. По материалам деятельности Д.Х. Бушена / Т.А. Колосовская // Вестник архивиста. – 2015. – № 4. – С. 19–30. (0,7 п.л.)

9. Колосовская, Т.А. «Руководствоваться многолетней опытностью предшественников»: Д.А. Милютин и изучение истории Российской политики на Кавказе (1840-е годы) / Т.А. Колосовская // Новый исторический вестник. – 2016. – № 1 (47). – С. 6–19. (0,7 п.л.) (Scopus)

10. Колосовская, Т.А. Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам Эльбрусской экспедиции генерала Г.А. Емануеля 1829 г.) / Т.А. Колосовская // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 47–52. (0,7 п.л.)

11. Колосовская, Т.А. «Забывая прошлое, нельзя ничему научиться и в будущем». Доклад генерал-майора В.А. Потто о централизации архивов на Кавказе и устройстве Кавказского военно-исторического музея в 1900 г. / Т.А. Колосовская // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 7. – С. 58–63. (0,8 п.л.)

12. Колосовская, Т.А. К проблеме сохранения исторической памяти в контексте военно-мемориальной деятельности на Северном Кавказе во второй половине XIX в. / Т.А. Колосовская // История: факты и символы. – 2016. – Вып. 3 (№ 8). – С. 99–107. (0,8 п.л.)

13. Колосовская, Т.А. Д.А. Милютин и его кавказские материалы: О первых попытках создания военно-политической истории Кавказа / Т.А. Колосовская // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2017. – № 1 (22). – С. 9–19. (0,8 п.л.)

14. Колосовская, Т.А. Архивные источники об изучении Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны / Т.А. Колосовская // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 10–24. (0,7 п.л.) (Web of Science)

15. Колосовская, Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII – XIX вв.: историографические аспекты темы / Т.А. Колосовская // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 2. – С. 83–91. (0,7 п.л.)

16. Колосовская, Т.А. О составлении описания горских народов в начале 1830-х годов: к проблеме истории этнографического изучения Кавказа / Т.А. Колосовская // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 4. – С. 164–173. (0,7 п.л.) (Scopus)

17. Колосовская, Т.А. Кавказский военно-исторический музей: от сохранения памяти к забвению / Т.А. Колосовская // Вопросы истории. – 2017. – № 9. – С. 167–176. (0,8 п.л.) (Web of Science)

II. Монографии

18. Колосовская, Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников) / Т.А. Колосовская, Д.С. Ткаченко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 304 с. (24/12 п.л.)

19. Колосовская, Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII - XIX вв. / Т.А. Колосовская; под ред. А.А. Кудрявцева. – М.: Изд-во Каллиграф, 2015. – 240 с. (15 п.л.) [*Рец.: Покотилова Т.Е.* // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 222–223; *Матвеев О.В.* // Мир славян Северного Кавказа. / Науч. ред. О.В. Матвеев. – Краснодар: Эдви, 2016. – Вып. 9. – С. 349–353].

III. Статьи в других научных изданиях:

20. Колосовская, Т.А. Казаки-переселенцы на Кавказских укрепленных линиях в отражении военных историков XIX – начала XX в. / Т.А. Колосовская // Четвертые Прозрителевские чтения: материалы научно-практической конференции (21 – 22 ноября 2007). – Ставрополь: «Вестник Кавказа», 2008. – С. 108–111. (0,5 п.л.)

21. Колосовская, Т.А. П.С. Потемкин: некоторые факты жизни и деятельности на посту Кавказского наместника / Т.А. Колосовская // Северный

Кавказ и кочевой мир степей Евразии: материалы IX «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 36–42. (0,4 п.л.)

22. Колосовская, Т.А. К вопросу о формировании вольных казачьих сообществ на Северном Кавказе: география расселения и военный быт / Т.А. Колосовская // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: материалы всероссийской научной конференции. Южный научный центр РАН (28 – 29 сентября 2010). – Ростов-на-Дону, 2010. С. 35–38. (0,5 п.л.)

23. Колосовская, Т.А. Из истории Персидского похода Петра Великого / Т.А. Колосовская // «Новый взгляд» (основные направления социально-политического и культурного развития России и Дагестана: история и современность): материалы IX Всероссийской студенческо-преподавательской конференции. – Махачкала: ДГПУ, 2010. – С. 84–93. (0,5 п.л.)

24. Колосовская, Т.А. Российские офицеры XIX в. – первые историографы Кавказской войны / Т.А. Колосовская // Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории: К 70-летию доктора исторических наук, профессора А.А. Кудрявцева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – С. 276–285. (0,8 п.л.)

25. Колосовская, Т.А. «Нестор кавказской истории», или Забытый певец забытой войны: (к 175-летию со дня рождения Василия Александровича Потто) / Т.А. Колосовская, Д.С. Ткаченко // Ставропольский хронограф на 2011 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 2011. – С. 28–34. (0,8/0,4 п.л.)

26. Колосовская, Т.А. Северокавказские горцы в буднях Кавказской войны глазами военных историков XIX в. / Т.А. Колосовская // Образ «Другого» в поликультурных обществах: материалы международной научной конференции (22 – 24 апреля 2011). – Пятигорск–Ставрополь–Москва: ПГЛУ, 2011. – С. 153–157. (0,5 п.л.)

27. Колосовская, Т.А. Идея восстановления православного христианства на Кавказе и ее реализация в период наместничества А.И. Барятинского / Т.А. Колосовская // II Сиротенковские чтения: материалы международной научной конференции. – Армавир: РИО АГПА, 2011. – С. 197–206. (1 п.л.)

28. Колосовская, Т.А. «Торговля, в своих первичных меновых формах, является матерью мирных отношений»: из истории торговых отношений на Северном Кавказе период Кавказской войны / Т.А. Колосовская // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научной конференции (13 – 15 сентября 2011) / Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 209–214. (0,5 п.л.)

29. Колосовская, Т.А. Военная администрация в социокультурном развитии Кавказской области в период Кавказской войны / Т.А. Колосовская, Д.С. Ткаченко // Прозрителевские чтения: материалы научно-практической конференции. – Ставрополь: «Графа», 2011. – Вып. 5. – С. 80–85. (0,6/0,3 п.л.)

30. Колосовская, Т.А. Проблемы крестьянской колонизации Северного Кавказа периода Кавказской войны в трудах историков-краеведов XIX – начала XX в. / Т.А. Колосовская // Прозрителевские чтения: материалы научно-практической конференции. – Ставрополь: «Графа», 2011. – Вып. 6. – С. 44–48. (0,5 п.л.)

31. Колосовская, Т.А. Дагестанские горцы в историко-этнографических исследованиях полковника Н.Ф. Дубровина / Т.А. Колосовская // Дагестан в истории Кавказа и России: материалы международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2012. – С. 54–62. (0,5 п.л.)

32. Колосовская, Т.А. Герой Бородино и покоритель Эльбруса: штрихи к портрету Г.А. Емануеля / Т.А. Колосовская // Народы Северного Кавказа в Отечественной войне 1812 года: К 200-летию Бородинского сражения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (8–9 ноября 2012). – Ставрополь, 2012. – С. 102–108. (0,5 п.л.)

33. Колосовская, Т.А. И.Д. Попко и его вклад в сохранение исторической памяти о казаках в Кавказской войне / Т.А. Колосовская // Кавказская война: уроки истории: материалы региональной научно-практической конференции (22 мая 2013). – Невинномысск, 2013. – С. 137–144. (0,5 п.л.)

34. Колосовская, Т.А. Из опыта использования информационных технологий в исследованиях по военно-политической истории Северного Кавказа / Т.А. Колосовская, Д.С. Ткаченко // Fundamental and applied sciences today. Vol 1.: Proceedings of the Conference. (Moscow, 25-26.07.2013). – North Charleston, SC, USA. 2013. – P. 16–19. (0,25/0,25 п.л.)

35. Колосовская, Т.А. Историческая память в литературном наследии И.Т. Раджицкого / Т.А. Колосовская // Ставропольский хронограф на 2013 год: Краевед. сб. – Ставрополь, 2013. – С. 165–176. (0,8 п.л.)

36. Колосовская, Т.А. К биографии генерала Л.А. Ржевуского / Т.А. Колосовская // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа: материалы 19-й Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2013. – С. 34–37. (0,5 п.л.)

37. Колосовская, Т.А. К «умиротворению» через изучение: военный след в формировании отечественного кавказоведения / Т.А. Колосовская // Кавказ: исторические вызовы и современная практика их преодоления. Симпозиум XII: материалы VII Международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество» (14 – 18 октября 2013). – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – С. 86–91. (0,5 п.л.)

38. Колосовская, Т.А. Российские военные в изучении и сохранении историко-культурного наследия северокавказского казачества (по материалам архивного фонда И.Д. Попко) / Т.А. Колосовская // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII – XXI вв.): материалы Всероссийской научно-практической конференции / Науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. – Краснодар: Традиция, 2013. – С. 24–32. (0,5 п.л.)

39. Колосовская, Т.А. Идеи и проекты военной администрации в контексте интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства

(конец XVIII - начало XIX в.) / Т.А. Колосовская // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 1. – С. 37–41. (0,5 п.л.)

40. Колосовская, Т.А. "Это была война не генеральская": исторические силуэты офицеров Отдельного Кавказского корпуса / Т.А. Колосовская // Антропология конфликта и мира в культуре народов Юга России, Кавказа: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. – Краснодар: Книга, 2014. – С. 142–151. (0,7 п.л.)

41. Колосовская, Т.А. Топографические и военно-статистические исследования Кавказа в первой половине XIX в. (по материалам офицеров Генерального штаба) / Т.А. Колосовская // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории: альманах. – Ставрополь-Капошвар-Москва: Изд-во СКФУ, 2014. – Вып. 1. – С. 125–132. (0,5 п.л.)

42. Колосовская, Т.А. К вопросу об издательской деятельности Военно-исторического отдела Кавказского военного округа / Т.А. Колосовская // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа: материалы 20-й Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир: Армавирская государственная педагогическая академия, 2014. – С. 187–192. (0,5 п.л.)

43. Колосовская, Т.А. Бытописатель боевой кавказской жизни (к 190-летию со дня рождения Арнольда Львовича Зиссермана) / Т.А. Колосовская // Ставропольский хронограф на 2014 год: Краевед. сб. – Ставрополь: ООО "Дизайн-студия Б", 2014. – С. 319–325. (0,5 п.л.)

44. Колосовская, Т.А. Из опыта сохранения исторической памяти военного прошлого (по материалам Кавказского военно-исторического музея) / Т.А. Колосовская // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. – Саратов; Ставрополь: Саратов. гос. ун-т; СКФУ, 2014. – Вып. 10. – С. 41–52. (0,5 п.л.)

45. Колосовская, Т.А. Образы и реалии российско-кавказского пограничья в военной публицистике XIX в. / Т.А. Колосовская // Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и

локальные компоненты национального менталитета в XVIII – XX вв.: материалы международной конференции (26 – 29 июня 2014) / отв. ред. И.В. Крючков, К.В. Никифоров, Ф. Саваи. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 69–73. (0,5 п.л.)

46. Колосовская, Т.А. Просветительская деятельность военно-исторического отдела Кавказского военного округа / Т.А. Колосовская // Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): материалы Международной научной конференции (23 – 26 октября 2014). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 74–77. (0,5 п.л.)

47. Колосовская, Т.А. К вопросу сохранения памяти о войнах (по материалам деятельности Военно-исторического отдела Кавказского военного округа) / Т.А. Колосовская // Боевое братство и национальное единство народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны: материалы международной научно-практической конференции (28 – 30 ноября 2014). – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 249–256. (0,5 п.л.)

48. Колосовская, Т.А. Российское командование в переговорном пространстве Северо-Восточного Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны XIX в. / Т.А. Колосовская // Антропология конфликта и мира: Великая Отечественная война в исторической памяти и культуре народов юга России: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2015. – С. 171–179. (0,5 п.л.)

49. Колосовская, Т.А. «Сохраняя правдивую память о совершенных подвигах»: о роли Кавказского военно-исторического отдела в развитии полковой историографии во второй половине XIX в. / Т.А. Колосовская // Военный сборник. – 2015. – № 1 (7). – С. 4–13. (0,5 п.л.)

50. Колосовская, Т.А. Проект программы описания горских народов полковника В.Е. Галямина / Т.А. Колосовская // Кавказский сборник / Под. ред. В.В. Дегоева. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2015. – Т. 9 (41). – С. 172–179. (0,5 п.л.)

51. Колосовская, Т.А. О начале создания военно-политической истории Северного Кавказа (по материалам деятельности Д.А. Милютина и Д.Х. Бушена) / Т.А. Колосовская // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VIII: материалы региональной научно-практической конференции. (19 - 20 ноября 2015). – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С. 112–117. (0,5 п.л.)

52. Колосовская, Т.А. Нарративные практики военных историописателей Кавказа (по материалам полковых историй) / Т.А. Колосовская // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – С. 114–117. (0,5 п.л.)

53. Колосовская, Т.А. Из истории создания коллекций Кавказского военно-исторического музея / Т.А. Колосовская // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX: материалы региональной научно-практической конференции. (24 – 25 ноября 2016) – Пятигорск: ПГУ, 2016. – С. 111 – 116. (0,5 п.л.)

54. Колосовская, Т.А. «Рыцарь без страха и упрека»: образ Н.П. Слепцова в представлениях современников и исторической памяти / Т.А. Колосовская // Терский сборник. – М.: МИРАКЛЬ, 2016. – Вып. 1. – С. 310–319. (0,5 п.л.)

55. Колосовская, Т.А. «Проследить и воспроизвести постепенное возрастание нынешних казачьих войск»: программа И.Д. Попко по написанию истории казачества на Северном Кавказе / Т.А. Колосовская // Мир славян Северного Кавказа. / Науч. ред. О.В. Матвеев. – Краснодар: Эдви, 2016. – Вып. 9. – С. 18–36. (0,5 п.л.)

56. Колосовская, Т.А. Ставропольский период в судьбе Кавказского военно-исторического музея (по данным архивных документов) / Т.А. Колосовская // Кавказ в отражении мировой истории: сборник научных статей к 75-летию профессора А.А. Кудрявцева / ред. коллегия М.Е. Колесникова, И.В. Крючков и др. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – С. 98–101. (0,5 п.л.)

57. Колосовская, Т.А. И.И. Ходзько и его роль в географическом изучении Кавказа / Т.А. Колосовская // Белорусы и Беларусь в системе

координат Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений: материалы Международной научно-практической конференции (28 октября 2017) / Науч. ред., сост. Э.Г. Варганьян, О.В. Матвеев. – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2017. – С. 226–233. (0,5 п.л.)